Д.В. Киселёв

г. Москва

Ю Хай, Ли Гуй и Лин Гуй – деятели манзовского самоуправления в Уссурийском крае во II-й пол. XIX в.

Манзы (уссурийские китайцы) во II пол. XIX в. составляли значительную долю населения Приморья 1. Одной из наиболее интересных социальных черт, присущих оседлому китайскому населению края в указанный период, было стихийное самоуправление, существование которого подтверждается многочисленными историческими источниками. Организационные формы этого самоуправления, а также механизмы его реализации получили достаточное освещение в отечественной научной литературе, но при этом история манзовского самоуправления практически лишена персоналий. Только отрывочные сведения, сохранившиеся в воспоминаниях современников событий и архивных документах, позволяют до известной степени восполнить данный пробел и дать оценку деятельности некоторых лидеров манзовского сообщества.

Всем лицам, о которых пойдёт речь ниже, свойственна одна особенность. Их жизнь и деятельность протекали в одном и том же районе Приморского края, а именно в долине р. Сучан (с 1972 г. – р. Партизанская). Именно в этом труднодоступном регионе манзовское население пользовалось в конце XIX в. наибольшей свободой от контроля русской администрации. В момент присоединения Уссурийского края к России китайское население Сучанской долины было довольно значительным. Уже в 1861 г. оно оценивалось не менее чем в 500 чел. [1, МС, 1865, № 8, с. 250]. Основными занятиями сучанских манз было земледелие, старательство и таёжные промыслы. В тесном контакте с сучанскими манзами находились сезонные отходники из Маньчжурии, каждую весну занимавшие бухты юговосточного побережья Приморья с целью добычи морепродуктов. В конце сентября одна часть промысловиков возвращалась в Маньчжурию, а другая перебиралась в Сучанскую долину, где нанималась к местным манзам для различных работ (обмолот хлеба, винокурение и т.п.) [4, с. 88]. Население долин Сучана и его притока Цемухэ (с 1972 г. – р. Шкотовка) поддерживало прямую связь с Маньчжурией морем – через залив Ольги, бухты Находка и Преображения [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 73, т. 1, л. 32–34].

© Киселёв Д.В., 2012

Первое упоминание о самоуправлении сучанских манз в русской литературе встречается в записках Е.С. Бурачека о жизни в посту Владивосток в 1861–62 гг. Будучи начальником постовой команды и желая найти источник постоянного снабжения подчинённых свежей провизией, Е.С. Бурачек зимой 1861 г. попытался закупить скот у манз, живущих на восточном берегу Уссурийского залива. Инициатива не имела успеха из-за противодействия китайского «старшины», или *тайе*². Позднее Е.С. Бурачеку удалось встретиться с главой китайской общины и найти с ним общий язык. В описании мемуариста «старшина» предстаёт, как «низенького роста, плотный, жирный китаец, с умным выражением лица и с редкой, седой, козлиной бородкой, одетый очень чисто, но просто» [1, MC, 1865, № 11, с. 83-84]. Воспоминания Е.С. Бурачека содержат немало указаний на высокий авторитет главы манзовского самоуправления, но, к сожалению, не сообщают ни имени, ни каких-либо биографических данных «старшины». Первое известное имя лидера манзовской общины встречается в материалах, относящихся к т.н. Манзовской войне – вооружённому выступлению китайцев против русской администрации, подавленному войсками Приморской области.

10 (23) декабря 1867 г. начальник Сучанского участка, подпоручик корпуса лесничих Петрович донёс начальнику Суйфунского округа Я.В. Дьяченко о решимости сучанских манз «самоуправление своё и нежелание подчиниться русскому правительству поддерживать силой оружия». Поводом для всплеска сепаратистских настроений послужили действия уссурийской администрации, направленные на пресечение китайского старательства, что, в свою очередь, было связано с учреждением на землях юго-восточного Приморья имения. принадлежащего Удельному ведомству. Манзы знали о наличии золота в Уссурийском крае задолго до появления там русских. Н.М. Пржевальский помещал основной район манзовской золотодобычи в пространстве между Уссурийским заливом и р. Сучан. Летом 1867 г. он видел там следы промывок, на которых «росли дубы более аршина в диаметре» [4, с. 90]. Горный инженер Баснин в начале 1868 г. видел следы старых разработок на о-вах Аскольд и Путятина [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 144, л. 3-7]. Летом 1867 г., по просьбе управляющего удельным имением статского советника Г.В. Фуругельма, паровая шхуна Сибирской флотилии «Алеут» дважды посещала о. Аскольда. Ее командир, лейтенант А.А. Этолин, уведомлял старателей-китайцев через переводчика – владивостокского купца Я.Л. Семёнова – о запрете на промывку золота [2, с. 51]. Вскоре в среде китайского населения долины Сучана стало отмечаться брожение. Их главным вдохновителем был некто Ю Хай, которого подпоручик Петрович в своём рапорте именовал «главным старшиной» и даже «правителем» манз, проживающих «от Посьета до гавани Св. Владимира и по р. Уссури» [7, BC, 1908, № 4, с. 21]. Осенью 1867 г. в долине Сучана имели место многочисленные проявления враждебности манз в отношении жителей деревень Владимирская и Александровская [7, ВС, 1908, № 4, с. 20]. 6 (19) декабря манзами был «арестован» староста Семён Кажихов, обвинённый Ю Хаем в выдаче русским властям расположения китайских золотых приисков. В распоряжении подпоручика Петровича имелась только малочисленная (10 чел.) военная команда, расквартированная в

бухте Находка для охраны удельного имущества. Несмотря на это, Петрович послал 6 солдат в сопровождении нескольких крестьян в ставку Ю Хая в селении Хуанихеза с приказом доставить «старшину» для объяснений. Поход завершился уже на следующий день: посланцы были обезоружены и избиты толпой манз. Одному солдату и троим крестьянам удалось бежать, остальных китайцы взяли под стражу. После этого Ю Хай отправил 25 вооружённых ружьями и пиками манз за Петровичем. Главе русской администрации пришлось скрываться, распуская слухи о своём отъезде в соседний пост Стрелок. В ночь на 8 (21) декабря в Находку явился китаец, который запугивал остававшихся в посту троих солдат заявлениями о том, что «правитель» Ю Хай по своему могуществу равен начальнику г. Хуньчуня и что русскому начальнику следует помириться с манзами во избежание «худа». Спустя несколько часов манзы, разыскивавшие Петровича, откровенно угрожали русским поселенцам расправой в случае, если офицер «не помирится с их правителем». Пленённые солдаты и крестьяне были отпущены Ю Хаем к вечеру 8 ноября, при этом «правитель» передал, что отошлёт солдатские ружья во Владивосток только в том случае, если Петрович помирится с ним и не станет сообщать начальству о случившемся [7, BC, 1908, \hat{N}_{2} 4, c. 22–24]. Всё вышеизложенное было доведено Петровичем до сведения Я.В. Дьяченко в упомянутом рапорте от 10 декабря 1867 г. Уже 1 (13) января 1868 г. начальник округа прибыл в Сучанскую долину во главе отряда из 120 чел. при 2 орудиях. В течение 10 дней подполковник «производил экзекуции», продовольствуя отряд за счёт реквизиций. Наиболее активные участники возмущений – в том числе Ю Хай и «манза Ли», посылавшийся им на поиски Петровича. – были арестованы. Получив изъявления «полной покорности» сучанских китайцев, Дьяченко назначил новым «старшиной» местного старожила Ли Гуя, жившего в селении Пинсау (Пенсау)⁴. Ю Хай был доставлен в с. Раздольное и дальнейшая его судьба неизвестна. В докладе на имя военного губернатора Приморской области контр-адмирала И.В. Фуругельма, Дьяченко указывал, что одной из главных причин инцидента стало чрезмерное усиление влияния стихийного манзовского самоуправления в условиях «административного вакуума», обусловленного медленным распространением русского влияния в Приморье [7, ВС, 1908, № 4, с. 22–24].

Имя нового сучанского старшины ныне может считаться достоверно установленным: в фондах РГИА ДВ хранится письмо сучанских манз на имя начальника Суйфунского округа Уссурийского края, написанное в начале 1874 г., и рисующее пагубные последствия запрещения вывоза морской капусты через гавань Находка. Под этим документом стоит подпись Ли Гуя [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 73, т. 1, л. 41]⁵.

Начало общественной деятельности Ли Гуя пришлось на период «Манзовской войны». 19 апреля (2 мая) 1868 г. на о. Аскольд произошла первая стычка с китайскими старателями, в ходе которой было убито 3 и ранено 10 моряков шхуны «Алеут». В ночь с 25 на 26 апреля (8–9 мая) в результате нападения манз был уничтожен военный пост в заливе Стрелок (2 чел. убито). В ночь с 28 на 29 апреля (11–12 мая) 1868 г. около 1000 манз переправилось с о. Аскольд на материковый берег и сожгли русскую деревню Шкотову,

вырезав 2 крестьянские семьи. Двигаясь в западном направлении, мятежники 15 (28) мая 1868 г. сожгли деревню Никольскую [7, BC, 1908, № 5, с. $52-56]^{\circ}$.

В эти дни Ли Гуй вновь организовал китайское ополчение, мотивируя это необходимостью защиты манзовских селений долины Сучана от бродяг, изгнанных с островных приисков. Ближайший русский начальник находился в посту Находка – им был гидрограф К.С. Старицкий, временно поставленный во главе местной военной команды. Впоследствии он вспоминал, что весной и летом 1868 г. Ли Гуй неоднократно появлялся в Находке, где «делал смотры всё ещё прибывавшим с северных речек отрядам манз и тазов, т.е. допускал, чтобы они со значками своими, ружьями, пиками и прочим вооружением проходили мимо меня как бы церемониальным маршем» [6, МС, 1873, № 1. с. 11. Численность сучанской манзовской милиции в 1868 г., по некоторым данным, выражается цифрой от 400 до 1000 чел., что делает её самым крупным вооружённым полевым формированием в дореволюционной истории российского Приморья [7, ВС, 1908, № 5, с. 59; № 7, с. 32]. Ли Гуй утверждал, что старатели предлагали ему присоединиться к антирусским выступлениям, однако получили отказ. Старшина выказывал Старицкому подчёркнутое уважение и всячески убеждал его, что очаг сепаратизма и разбоя в юго-восточном Приморье находится не на Сучане, а в долине р. Цемухэ. В качестве доказательства Ли даже доставил в Находку нескольких китайских бродяг. Показания задержанных Старицкому пришлось снимать опять-таки с помощью людей Ли Гуя, поэтому справедливость утверждений последнего проверить не удалось [7, ВС, 1908, № 5, с. 60]. Впрочем, начальник Суйфунского округа Я.В. Дьяченко также считал цемухинских манз наиболее неблагонадёжными, что подтверждается его донесением от 2 (15) июня 1868 г. [7, ВС, 1908, № 6, с. 56]. При этом командующий войсками Южно-Уссурийского края полковник М.П. Тихменев, не разделяя этого мнения, в середине мая 1868 г. собирался лично выступить на Сучан с отрядом в 300 стрелков для «истребления шаек манзов» [7, BC, 1908, № 6, с. 58]. Крестьяне слобод Владимирской и Александровской утверждали, что старшина попросту выжидает, кто – русские и китайцы – возьмет верх. Между тем Ли Гуй продолжал демонстрировать лояльность и охотно выполнял поручения русского начальника. Когда 15 (28) мая гидрографу понадобилось отправить в зал. Посьет донесение, Ли Гуй предоставил лодку и троих посыльных. Снабжённые русским флагом, они благополучно добрались до Посьета и передали пакет по назначению [7, ВС, 1908, № 5, с. 60].

16 (29) мая 1868 г. с телеграфной станции Верхне-Романовской, расположенной в верховьях р. Уссури, было получено сообщение об угрозе со стороны крупных масс вооружённых манз (до 1000 чел.), двигающихся со стороны Сучана. Сразу после этого связь со станцией была прервана. З (16) июня 1868 г. полковник М.П. Тихменев лично прибыл в Верхне-Романовскую. Обрыв телеграфной линии, вызванный естественными причинами, был к тому времени ликвидирован, а сведения о движении шайки со стороны Сучана также не подтвердились. Ссылаясь на аборигенов края (гольдов и тазов), телеграфисты сообщили Тихменеву, что часть сучанской милиции послана

Ли Гуем в долину р. Цемухэ, где имелись «скопища разбойников и склады продовольствия». Поскольку к этому времени основные силы бунтующих манз были рассеяны в стычке 29 мая (11 июня) 1868 г. у «станка Дубининского» (совр. д. Михайловка), русское командование поспешило принять меры к разоружению сучанских китайцев. К тому же, полковник М.П. Тихменев был убеждён, что «преданность сучанских манз была лишь следствием сознания ими нашего превосходства, и что при другом положении их милиция...могла обратиться против нас» [7, BC, 1908, № 7, с. 32]. В результате рота сводного батальона, прибывшего на подавление беспорядков из Хабаровки, была отдана под начальство штабс-капитана Н.М. Пржевальского. Зимой 1867-1868 гг. путешественнику довелось пройти с Сучана на верховья Уссури через хр. Сихотэ-Алинь, и теперь этот походный опыт пришёлся как нельзя кстати: 7 (20) – 11 (24) июня 1868 г. Пржевальскому удалось быстро и скрытно выйти в долину Сучана и застать врасплох население Пинсау. Одновременно два отряда по 50 чел. под начальством поручика К.К. Каблукова и капитана Шелихе были посланы на Цемухэ и Сучан другим путём, в обход Уссурийского залива. Если Каблукову пришлось столкнуться на Цемухэ с последними мелкими очагами вооружённого сопротивления, то Пржевальского встретили мирно. К моменту его появления манзовская милиция, сосредоточенная в Пинсау, насчитывала 150 чел., при этом, по словам Ли Гуя, в это число входили не только сучанские манзы, но и обитатели соседних долин рек Пхусун (совр. р. Маргаритовка), Таухэ (р. Черная) и Судзухэ (р. Киевка) – старшины этих районов подчинялись Ли Гую. Отвечая на вопросы Пржевальского о составе и численности своей милипии, сучанский «правитель» пояснил, что с началом беспорядков в неё влилось до 300 хуньчуньских китайцев, добывавших морскую капусту в соседних бухтах и боявшихся притеснений со стороны мятежников [7, ВС, 1908, № 7, с. 40] Старшина уверял, что с окончанием кампании эти люди разошлись по своим становищам. Меры принятые Н.М. Пржевальским носили строгий характер: у сучанских манз было изъято всё огнестрельное оружие, после чего милиции велели расходиться по фанзам. Всего было изъято «83 ружья, две пушки, около 1 пуда пороху и свинцу» [7, BC, 1908, № 7, с. 41]. Ли Гуй, трое его помощников и трое предводителей сучанского ополчения были арестованы и препровождены в Находку. Поводом для этого послужила информация о том, что Ли Гуй якобы казнил собственной властью троих захваченных разбойников. Таким образом, старшина нарушил приказание Старицкого: доставлять к нему всех подозрительных лиц для допроса. Н.М. Пржевальский счёл, что казнь бродяг имела целью скрыть связи Ли Гуя с мятежниками. Не исключено, что старшине грозило серьёзное наказание: М.П. Тихменев успел отдать всем подчинённым офицерам приказ применять самые жёсткие меры к участникам беспорядков и их пособникам. Так, всех манз, оказывающих сопротивление и просто застигнутых с оружием в руках, предписывалось «беспощадно истреблять». Одиноко стоящие и брошенные фанзы следовало сжигать со всеми припасами, а засеянные поля, которые не могли принести пользу русским поселенцам – уничтожать на корню [7, ВС, 1908, № 7, с. 36–37]. Ли Гуя спасло вмешательство высших чинов русской

администрации. В начале июня 1868 г. в пост Камень-Рыболов прибыл на пароходе генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, отменивший наиболее суровые распоряжения М.П. Тихменева. Мятежников и их укрывателей отныне надлежало передавать в распоряжение китайских властей в соответствии с буквой договоров 1858–1860 гг., одновременно ходатайствуя об «их наказании и запрещении въезда» [7, ВС, 1908, № 3, с. 44]. При этом с властями приграничных районов Китая генерал-губернатор приказал говорить исключительно тоном просьбы [7, ВС, 1908, № 7, с. 35–36]. Командир Сибирской флотилии контр-адмирал И.В. Фуругельм, первоначально разделявший точку зрения М.П. Тихменева, вынужден был принять направление мыслей высшего начальства. В середине июня 1868 г. адмирал прибыл на шхуне «Алеут» в Находку и распорядился освободить всех арестованных Н.М. Пржевальским манз, не являвшихся непосредственными участниками мятежа [7, ВС, 1908, № 7, с. 41].

По окончании Манзовской войны можно было ожидать полной ликвидации китайского «самоуправления» в Приморье. Н.М. Пржевальский недаром писал в одном из своих донесений командованию: «Теперь самое благоприятное время для того, чтобы произвести коренную реформу в существовавших до сих пор отношениях манз к русским» [7, BC, 1908, № 7, с. 42]. Тем не менее, вернувшись в Пинсау, Ли Гуй не только продолжил деятельность в качестве манзовского старшины, но и удостоился награды от нового генералгубернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова - ему был пожалован «почётный кафтан» [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 790, л. 3]. В декабре 1875 г. старшина оказался под подозрением в связи со слухами о готовящемся восстании цемухинских манз. Отряд, посланный к месту событий из Владивостока, обнаружил на р. Цемухэ концентрацию вооружённых китайцев, среди которых был и Ли Гуй. Последнему удалось объяснить своё присутствие необходимостью поддержания порядка [3, с. 194–197]. Затем русские власти не вмешивались в сучанские дела до весны 1880 г., что, очевидно, породило у Ли Гуя иллюзию манзовской автономности и собственной значимости. По некоторым сведениям, в этом убеждении Ли Гуя укрепили цинские власти Маньчжурии. В 1878 г. во Владивосток прибыл из Хуньчуня чиновник Мугденгэ, который должен был доставить на родину тело убитого китайца. Воспользовавшись пребыванием в столице Приморья, Мугденгэ объявил владивостокским манзам, что Ли Гуй признаётся в Хуньчуне главным начальником китайского населения Южно-Уссурийского края, имеющим право судопроизводства [5]. Между тем русское влияние в Уссурийском крае успело значительно усилиться. По окончании Манзовской войны вся территория края была разделена на округа, каждый из которых был отдан под управление штатных гражданских начальников. Согласно заключению Государственного Совета от 20 сентября (3 октября) 1869 г., было учреждено Управление пограничного комиссара Южно-Уссурийского края, которому содействовала Уссурийская конная казачья сотня. В 1871 г. во Владивосток из Николаевска-на-Амуре была перенесена ставка Главного командира портов Восточного океана. 28 апреля (11 мая) 1880 г. было учреждено военное губернаторство в составе г. Владивосток и полуострова Муравьёв-Амурский, а для управления

остальной частью Южно-Уссурийского края был образован полицейский округ, подчинённый правлению Приморской области. Одновременно росли военные силы, сосредоточенные в крае, причём этот процесс резко активизировался во время дипломатического конфликта России и Китая, вошедшего в историю под именем Илийского кризиса. В новой исторической ситуации для насильственного упразднения манзовского «самоуправления» был нужен только повод, который подал сам Ли Гуй.

9 (22) мая 1880 г. и.о. начальника Сучанского округа Херсонский сообщил пограничному комиссару края Н.Г. Матюнину об инциденте, жертвой которого стали штабс-капитан Напёрстков, его проводник Арзамасов и несколько рядовых русской армии. Напёрстков был послан на Сучан для замены части нижних чинов, нёсших службу в составе местной сторожевой команды (25 чел.). Выполнив поручение, офицер со сменёнными солдатами отправился во Владивосток сухим путём. Добравшись до Пинсау, Напёрстков потребовал от Ли Гуя предоставить лодки для переправы через Сучан. Вместо того, чтобы оказать содействие военнослужащим, Ли Гуй неожиданно выказал «явное упорство» и стал браниться. Оскорблённый Напёрстков, по его собственному признанию, ударил старшину. После этого «на крик Лигуя сбежалось человек до 300 манз, вооружённых ножами, ружьями, палками и т.п., которые отобрали у солдат ружья, связали как их, так равно и Напёрсткова, и стали бить, причём Напёрсткову отбили руку, а двум солдатам проломили головы» [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 790, л. 3]. Не ограничиваясь этим. Ли Гуй послал нарочного во все манзовские поселения по пути следования отряда Напёрсткова с приказом не давать штабс-капитану лошалей.

С трудом добравшись до дер. Шкотовой, Напёрстков подал жалобу властям. Начальник округа немедленно принял меры к тому, чтобы «не оставить безнаказанным подобный поступок и не дать повода манзам думать, что они хозяева в здешнем крае и имеют полнейшее право расправляться с русскими офицерами по своему усмотрению» (курсив мой. – Д.К.) [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 790, л. 3]. Ли Гуй был арестован и препровождён во Владивосток. 27 мая (9 июня) 1880 г. фудутун г. Хуньчуня прислал пограничному комиссару Н.Г. Матюнину письмо, в котором заявлял протест против «поборов», якобы чинимых русскими солдатами на Сучане. Чиновник ссылался на жалобу манз Пань Мина и Чжао Дэцая, требовал возвратить изъятые солдатами вещи, а Ли Гуя – освободить из-под стражи и прислать в Хуньчунь «для разъяснения истины». Ответ Н.Г. Матюнина представлял собой резкую отповедь: «Вам никакого нет дела до отношения наших отрядов к жителям в нашей стране, так же, как и мне совершенно безразлично, как Ваши солдаты обращаются с населением в Высоком государстве... Если есть недовольные и обиженные в наших пределах, они имеют право жаловаться, но никак не Вам, а русским властям. Если тёмный народ действует несогласно с законом, то Вам, несомненно знакомому с правилами международных сношений, это непростительно...» [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 790, л. 6–7].

Дело Ли Гуя касалось застарелой проблемы правового положения уссурийских китайцев, десятилетиями проживавших на российской территории, но рассматривавшихся Цинскими властями в качестве китайских подданных.

Этому способствовала официальная подсудность манз китайским судебным органам, установленная Айгунским, Тяньцзиньским и Пекинским договорами. 24 июля (6 августа) 1880 г. Ли Гуй сам подлил масла в огонь, подав... прошение на Высочайшее имя! В этом ему помогли «дворянин Павел Фердинандов Гершнер и Владивостокский 2-й гильдии купец Владимир Васильевич Ланин». В жалобе Ли Гуй писал о себе, как о «60-летнем старике», проживающем в Сучанском округе «более 30 лет». Таким образом, Ли Гуй родился около 1820 г. и поселился на Сучане около 1850 г. Эта биографическая подробность сыграла в судьбе старшины решающую роль: 18 (31) августа 1880 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин направил военному губернатору Приморской области И.Г. Баранову письмо, в котором дал заключение по поводу представления гражданских властей области о высылке Ли Гуя в отдалённый округ. Анучин предложил дать этому делу законный ход, а на случай, если судебное преследование старшины оказалось бы невозможным, приказал выслать Ли Гуя административным порядком. При этом генерал-губернатор не имел сомнений по поводу принадлежности Ли Гуя к российскому подданству, и даже получил на этот счёт подтверждение российского посланника в Пекине [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 790, л. 17–21].

Справедливости ради нужно отметить, что крестьяне села Владимиро-Александровского прислали окружному начальнику ручательство, в котором говорилось, что «манзовский староста Лиугуй в течение пятнадцати лет был прекрасного поведения и ни в чём дурном нами незамечен» [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 790, л. 11]. Бумага была приобщена к делу, но влияния на участь Ли Гуя не оказала. Старшине не помогли ни жалованный кафтан, ни ссылки на возраст. Потеряв надежду выиграть дело, низложенный «правитель» Сучана попросту сбежал из-под стражи и скрылся в Маньчжурии [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 790, л. 11]. В его усадьбе было конфисковано 36 серебряных рублей, 109 серебряных мексиканских долларов, 5 быков, 9 лошадей и 20 кусков бязи. Скот и ткани были проданы с аукциона за 117 руб., после чего все деньги отослали в областное правление в Хабаровке. Следы этой истории всплыли весной 1887 г., когда в ходе очередной проверки финансовых дел областной полиции встал вопрос о судьбе изъятого у Ли Гуя. В Южно-Уссурийское полицейское управление был послан запрос, ответ на который пришел только в...октябре 1891 г. Суть ответа заключалась в том, что «никаких сведений об имуществе Ли-гуя не найдено, и дознать что-либо по этому поводу, за изменившимся с того времени составом чинов полиции, весьма трудно» [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 790, л. 35].

Между тем обстановка в долине Сучана вновь накалилась. 20 января (2 февраля) 1881 г. начальник военной команды подпоручик Семёнов донёс, что «манзы оказывают неповиновение и угрожают сделать нападение на отряд» [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 186]. Прибытие подпоручика Л.А. Кропоткина с отрядом казаков из д. Никольской разрядило обстановку, но, как оказалось, ненадолго. По-видимому, на Сучане не могли смириться с отсутствием привычной «власти». Видя это, маньчжурские власти решились на прямое вмешательство в уссурийские дела: в начале 1882 г. ими был послан эмиссар, уполномоченный взять в свои руки управление манзами, живущими

от долины Цемухэ до залива Ольги. В русских источниках он чаще всего именуется Лин Гуем, хотя встречаются варианты Лин Гунь и даже Ю Чинкуй. Имеются сведения о том, что до своего появления в Приморье этот человек был старостой одного из селений правого (китайского) берега Амура. В.В. Синиченко считает Лин Гуя и бывшего сучанского «старшину» Ли Гуя одним и тем же лицом, однако это, по-видимому, не так. В 1881 г. Лин Гую пожаловали средний чиновничий ранг, обозначавшийся «белым хрустальным шариком» на шапке, и отправили в Уссурийский край с копией указа о присвоении полномочий старшины [5]. Активизацию политики цинских властей в отношении своих подданных в Приморье можно объяснить успехами китайской дипломатии при разрешении Илийского кризиса, породившими в определённых кругах надежду на «возвращение» уступленного в 1860 г. Уссурийского края.

18 (31) марта 1882 г. Лин Гуй собрал на Сучане сход в составе около 300 манз, на котором предъявил свои регалии и потребовал повиновения. Интересно, что не все китайцы юго-восточного Приморья были склонны подчиниться Лин Гую: нашлись те, кто обвинял его...в убийстве подлинного посланца и узурпации власти. Тем не менее, большинство манз охотно признало нового «правителя» и стало записываться в милицию, численность которой вскоре достигла 240 чел. Все эти «ополченцы» имели огнестрельное оружие, в т.ч. около 100 современных «винчестеров». Опираясь на эту силу Лин Гуй присвоил себе судебные функции и начал взимать подати. Местное русское и корейское население было крайне встревожено происходящим, в то время как общая численность Сучанской и Цемухинской военных команд, сформированных после Манзовской войны, не превышала 50 чел. Зная это, Лин Гуй 1(13) апреля 1882 г. позволил себе требовать от военных выдачи «корейца Ивана», донёсшего властям о появлении нового манзовского «правителя». Интересно, что практически одновременно с этим маньчжурские власти возбудили перед администрацией Приморской области вопрос о возмещении ущерба, причинённого китайским подданным противоправными действиями отдельных русских военных. В начале апреля 1882 г. для переговоров на границу выехали сразу пятеро высокопоставленных цинских чиновников, включая даотая У и гиринского губернатора Мин Аня [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 894, л. 6–7].

9 (22) апреля командир 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона полковник Рябиков сообщил о происходящем на Сучане военному губернатору Приморской области И.Г. Баранову. 12 (25) апреля губернатор отдал распоряжение пройти всю долину реки двумя отрядами (100 и 50 чел.) под начальством полковника Рябикова и подполковника Винникова, «обезоружить манз, старшину Лингуя захватить и доставить в Никольское, после чего объявить всем манзам, что они зависят только от русского правительства, и должны повиноваться не китайским чиновникам и посылаемым от них лицам, а только русским властям». Оружие войскам было приказано применять только в случае вооружённого сопротивления или нападения [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 894, л. 4]. Пограничный комиссар Н.Г. Матюнин высказал своё мнение, заключавшееся в том, что для полного искоренения манзовского сепаратизма необходимо расквартирование на Сучане крупного контингента русских

войск, строгое (вплоть до депортации) наказание непокорных, а также «решительное выяснение правоспособности китайцев», т.е. официальное признание всех манз русскими подданными. Комиссар призывал не бояться реакции цинских властей, и указывал, что «китайское правительство, своими публикациями за казёнными печатями, дарованием чинов нашим манзам, нарушило первую статью Пекинского договора» [РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 894, л. 15–18] Интересно, что даже в 1914 г., в одном из документов, направленных МВД и МИДом в адрес Государственной думы, события 1882 г. на Сучане представлялись, как подтверждение притязаний Китая на владение Уссурийским краем [АВПРИ, ф. 148, оп. 487, д. 770, л. 160].

22 апреля (5 мая) 1882 г. распоряжения И.Г. Баранова относительно сучанских манз были одобрены генерал-губернатором Восточной Сибири Д.Г. Анучиным. К этому времени отряды Рябикова и Винникова уже совершили поход на Сучан, при этом Винникова сопровождал начальник Суйфунского округа П.А. Занадворов. Продвижение войск сильно замедлялось весенней распутицей, что позволило Лин Гую сбежать. В руки военных попали его чиновничья шапка и небольшой архив: печать, указ о назначении «правителем» Цемухэ и Сучана, несколько прокламаций и приказ об укреплении манзовских посёлков. Сучанская «милиция» рассеялась, оставив после себя знамя, 1 пушку, 4 пуда пороха, 28 ружей и револьверов, 42 пики и 1 тыс. патронов [5].

На этом история манзовского «самоуправления» в юго-восточном Приморье завершилась. События 1880—1882 гг., связанные с последними сучанскими «старшинами», ускорили окончательный перевод уссурийских китайцев под юрисдикцию русского правительства. Уже 8 (21) июня 1882 г. Высочайшее повеление установило подсудность манз учреждённому этим актом Владивостокскому окружному суду. За несколько дней до этого, 1(13) июня, был принят закон «О казённокоштном переселении в Южно-Уссурийский край», определявший порядок ежегодной бесплатной перевозки 250 крестьянских семей на судах Добровольного флота.

На примере Ю Хая и Ли Гуя можно проследить путь пройденный уссурийскими китайцами от полного непризнания русской власти в 1860-х гг. к внешней лояльности в 1870-х гг. К 1880 г. в отношениях местной приморской власти и манзовского «самоуправления» сложилась определённая система, основанная даже не на признании, а скорее на игнорировании существования последнего. Хотя при сохранении такого положения институт «старшин» мог просуществовать ещё какое-то, весьма непродолжительное время, окончательная ликвидация стихийной общественной организации уссурийских китайцев была обусловлена усилением русского присутствия в Приморье и развитием гражданской администрации края. Попытка цинских властей Маньчжурии укрепить положение манз, подчинив их Лин Гую, привела лишь к окончательной отмене особого статуса уссурийских китайцев, установленного договорными статьями.

Примечания

¹ От китайского 满子 (пиньинь *Măn zi*, паллад. *Маньцзы*).

² Кит. 太爷 (пиньинь Tài ye).

- 3 Хуанихеза (иначе Хинхеза) находилась на берегу р.Сучан, по соседству с совр. с. Владимиро-Александровское.
 - ⁴ В районе совр. дер. Фроловка в Партизанском районе Приморского края.

⁵ Кит. 利贵 (пиньинь Li Gui).

⁶Никольская – современный г. Уссурийск.

Сокращения

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ВС – Военный сборник

МС – Морской сборник

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Литература

- 1. *Бурачек Е.С.* Воспоминания заамурского моряка. Жизнь во Владивостоке. 1861 г. // МС, № 8–11, 1865.
- 2. *Матвеев Н.П.* Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Изд. «Уссури», 1990.
- 3. *Надаров И.П.* Хунхузы в Южно-Уссурийском крае // Военный сборник, 1896, № 9, с. 184–205.
- 4. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае в 1867–1869 гг. СПб., 1870
- 5. Синиченко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи. Иркутск, 2003 (по: http://mion.isu.ru/filearchive/mion publications/sin/)
- 6. *Старицкий К.С.* Гидрографическая командировка в Восточный океан в 1865—1871 годах // МС, 1873, № 1, с. 1–66.
 - 7. Тихменев Н.М. Манзовская война // ВС, 1908, № 2-7.